

27.04.2026

Опубликовано на [Caliber.az](https://caliber.az)

ЕС, арабские монархии и «не свои» войны

Евгений Прейгерман

Монархии Персидского залива и страны Европейского союза стали главными заложниками «не своей» войны на Ближнем Востоке. Однако реагируют на эту ситуацию они по-разному. ЕС самое время обратить внимание на внешнеполитическую философию арабских монархий и поискать в ней что-то полезное для себя.

Недавние [комментарии](#) главы дипломатии ЕС Каи Каллас о взаимодействии с монархиями Персидского залива в контексте российско-украинской и иранской войн отсылают к интересной теме. Как в международных отношениях себя ведут государства, оказавшиеся не по своей воле меж двух (или более) конфликтующих огней? Иными словами, каких внешнеполитических стратегий и соображений придерживаются страны, чтобы минимизировать текущий ущерб и не вляпаться в еще большие проблемы в будущем из-за «не своих» войн и конфликтов?

Когда «не своя» война становится своей

Это не такие простые и банальные вопросы, как может показаться на первый взгляд. И ответы на них совсем не лежат на поверхности. На протяжении истории можно проследить многочисленные примеры внешнеполитического поведения в подобных конфликтных контекстах. Все – со своими нюансами и спецификой. Хотя если проводить их

сравнительный анализ и классификацию, то можно вывести буквально несколько базовых стратегий, к которым в рамках любого конфликта склоняются затронутые им третьи страны. При этом историки и теоретики международных отношений давно не только изучают сами эти стратегии, но и оценивают их успешность в тех или иных условиях.

Разумеется, никакого чудодейственного рецепта для страдающих от «не своих» войн нет. Их успех зависит от многих факторов: начиная от знания истории и опыта предшественников и заканчивая имеющимися в их распоряжении ресурсами, а также политическим чутьем и просто везением. Тем интереснее понаблюдать за такими кейсами прямо сейчас, в режиме реального времени.

Как мы уже [отмечали](#), именно страны Персидского залива (в силу географии и союзных отношений с США) и Европейского союза (в силу геоэкономики и также союзных отношений с США) оказались основными побочными жертвами ближневосточной войны. Они первыми столкнулись с наиболее болезненными вызовами этого конфликта и с пугающей неопределенностью относительно его дальнейшего течения. Поэтому их заочный обмен репликами по поводу политики друг друга в контексте войны и, в частности, перекрытия Ормузского пролива выглядит особенно примечательным.

В интервью для CNN верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности отреагировала на призывы США и самих арабских монархий проявить большую активность на Ближнем Востоке. Кая Каллас не согласилась с тем, что Евросоюз самоустранился от решения связанных с войной проблем. Однако сразу же провела параллель с войной в Украине и, как говорится, перебрала мяч на сторону партнеров. Она подчеркнула, что для ЕС приоритетное значение имеет российско-украинский конфликт и что «там мы не видели помощи со стороны стран Персидского залива». На этом основании она резюмировала: взаимодействие с монархиями залива «не может быть дорогой с односторонним движением».

У адресатов меседжи Каллас, понятное дело, не вызвали особого понимания. Генеральный секретарь Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива Джасем Мохаммед Аль-Будайви [заявил](#), что отношения с ЕС представляют собой «во всех аспектах дорогу с двусторонним движением». Он также подчеркнул, что входящие в организацию монархии стремятся сотрудничать со всеми ключевыми столицами мира, включая Вашингтон, Брюссель, Пекин и Москву. И именно это, а не союз с одним из блоков, в наибольшей степени отвечает интересам этих государств.

Такая краткая заочная полемика очень емко отражает различия в мировоззренческих ориентирах и внешнеполитических подходах Европейского союза и арабских монархий. Эти акторы оказались во многом (хотя, конечно, и не во всем) в похожих геополитических условиях, но реагируют на них совершенно по-разному.

ЕС в поиске

Со слов Каллас может сложиться впечатление, что ЕС на самом деле и не сильно страдает из-за ближневосточного кризиса. Настаивая на присоединении монархий региона к позиции Брюсселя по Украине, главный дипломат объединенной Европы рассуждает так, будто блокада Ормузского пролива и другие проявления иранской войны ЕС вообще не касаются. Будто они создают проблемы только для самих стран Ближнего Востока, а европейцы имеют роскошь спокойно наблюдать за происходящим со стороны. И рассмотрят возможность каких-то своих действий, лишь если их об этом хорошо попросят и предложат что-то взамен.

Такое позиционирование, мягко говоря, не соответствует действительности. Из-за иранской войны только энергетические издержки ЕС по состоянию на 22 апреля [достигли](#) около 24 миллиардов евро. То есть на кризисном росте цен на энергоресурсы страны Евросоюза теряют порядка 500 миллионов евро в день. И многие европейские функционеры [призывают](#) готовиться к еще более болезненным последствиям. Поэтому такая отстраненная позиция главного дипломата ЕС выглядит странно.

Правда, слова Каи Каллас едва ли достаточны, чтобы делать какие-то выводы о политике ЕС в контексте ближневосточной войны и уж тем более о долгосрочной внешнеполитической стратегии Союза в мире множасьихся конфликтов.

Во-первых, такой стратегии у Евросоюза сейчас, очевидно, нет. Многочисленные уже принятые и еще разрабатываемые доктринальные документы не в счет. Их декларативный характер, основанный на ценностных представлениях о себе и окружающем мире, сегодня не сильно помогает объединенной Европе справляться с реальными вызовами. На фоне проблем, вызванных американо-иранской войной, это проявляется особенно.

Во-вторых, не менее заметны различия и противоречия при поиске ответа на вопрос «что делать?» между разными государствами-членами и даже брюссельскими институтами. Та же верховный представитель ЕС, хотя и призвана по Лиссабонскому договору быть основным голосом Союза во внешнем мире, все меньше воспринимается таковым. В том числе в самом Брюсселе, где она и руководимая ею Европейская служба внешних действий (ЕСВД) столкнулись с нешуточной конкуренцией за право международного представительства с главой Европейской комиссии.

К тому же и заикленность Каи Каллас на одной лишь России (что в очередной раз проявилось в ее комментариях о взаимодействии с арабскими монархиями) явно не помогает консолидировать внешнеполитические подходы всего ЕС. Даже внутри ЕСВД такая одномерная заикленность шефа все чаще вызывает раздражение. Как в частной беседе

высказался один ее сотрудник, «лучше бы она с таким рвением занималась реальной помощью Украине, с каким пытается везде и всюду продвигать антироссийскую повестку».

Так что ЕС еще предстоит заняться нащупыванием и формулированием полноценной стратегии в условиях «не своих войн». Учитывая европейскую «разношерстность», этот процесс будет трудным и, возможно, относительно долгим. Но рано или поздно он приведет к каким-то результатам. Возможно, даже таким, которые позволят Европе в будущем начать восстанавливать исторически привычный ей статус геополитического тяжеловеса, хотя добиться этого будет непросто.

Монархии Персидского залива: от хеджирования к ... хеджированию

Не будем дальше углубляться в перспективы европейской внешнеполитической стратегии, так как в последнее время [уделяли](#) им много внимания. Более пристально взглянем на другую группу стран, оказавшихся не по собственному желанию напрямую втянутыми в иранскую войну и вынужденных адаптировать свою политику под такие архисложные условия.

Под монархиями Персидского залива понимают шесть государств: Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Все они входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (Gulf Cooperation Council).

Несмотря на это обстоятельство и массу общего, что объединяет эти страны, их вряд ли можно назвать монолитным блоком государств. Это хорошо видно и по их действиям после начала американо-израильско-иранской войны. Оман, например, старается сохранять максимально открытые и конструктивные связи с Тегераном. ОАЭ, наоборот, занимают наиболее жесткую позицию в его отношении. Действия Бахрейна и Кувейта ближе к ОАЭ. А Саудовская Аравия и Катар придерживаются традиционно нелинейных, кажущихся противоречивыми подходов.

При этом вся группа арабских монархий столкнулась с одинаковыми по своей сути и масштабам вызовами. Помимо очевидного текущего урона их экономикам и безопасности, война создает для них не менее очевидные стратегические проблемы. Некоторые аналитики даже [считают](#), что в результате этой войны «заканчивается парадигма безопасности, которая доминировала [в регионе] десятилетиями и обеспечивала впечатляющий рост экономик залива».

Несмотря на уже понесенный существенный ущерб, Иран демонстрирует управленческую устойчивость и способность продолжать прежнюю военно-политическую линию. Это подразумевает, главным образом, его де-факто контроль над Ормузским проливом, возможности наносить удары по объектам военной и гражданской инфраструктуры

(включая энергетическую и технологическую) в странах залива, способность поддерживать в каком-то виде сеть прокси-сил на Ближнем Востоке. На этом фоне война особо остро поставила для арабских монархий вопрос о надежности (и достаточности) американских гарантий безопасности, которые казались региональной данностью со второй половины прошлого века.

В сумме все эти вызовы действительно делают уязвимыми некоторые основы государственного развития и стратегического позиционирования монархий Персидского залива. В частности – их ставку на собственную глобальную привлекательность как финансовых, технологических и туристических хабов.

На первый взгляд, все выглядит так, что складывающаяся ситуация буквально требует от стран региона кардинально пересмотреть свои стратегии в области национальной безопасности и внешней политики. По крайней мере, в отношении американских гарантий безопасности. Притом пересмотр может происходить в обе стороны: как на снижение военного сотрудничества с Вашингтоном из-за сомнений в надежности его гарантий, так и на усиление плотности такого сотрудничества в надежде повысить вовлеченность США в свои вопросы безопасности.

Однако маловероятно, что монархии региона посчитают такой пересмотр рациональным. Ставка на еще большую зависимость от американских гарантий безопасности выглядит слишком рискованной в условиях зашкаливающей региональной неопределенности и непредсказуемости самих США. А полный отказ от этих гарантий был бы недальновидным, так как им пока нет однозначно надежных альтернатив. В этом смысле американо-израильско-иранская война мало что меняет для арабских монархий стратегически. География и стремление не вовлечься в «не свои» войны продолжают диктовать условия.

С учетом этих обстоятельств неудивительно, что даже эскалация ближневосточного кризиса не привела к отказу от их уже привычной и естественной стратегии [внешнеполитического хеджирования](#). Каждое из шести государств залива реализует ее по-своему, однако ее основные черты характерны для всех.

Это снижение рисков неопределенности за счет нелинейности и поддержания внешнеполитической двусмысленности, диверсификации партнеров в регионе и за его пределами, одновременного сотрудничества со всеми заинтересованными, а также максимального развития собственного оборонного и экономического потенциала. На практике это [выражается](#) в сохраняющемся интересе к американским гарантиям безопасности и, соответственно, военному присутствию; к интенсивному сотрудничеству с Китаем, Россией, ЕС, а также региональными акторами, такими как Турция, Египет и Пакистан; к ставке на развитие собственного ВПК; и, наконец, к снижению конфликтности с Ираном.

Отсюда и упомянутая выше реакция генсека Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива на слова Каи Каллас: в наших интересах одновременно сотрудничать со всеми глобальными и региональными игроками, а не примыкать к какому-то из блоков.

Самое интересное, что и Европейскому союзу стоило бы обратить внимание на такую философию внешнеполитического хеджирования и поискать в ней что-то полезное для себя. Потому что стратегических констант, к которым в ЕС привыкли на протяжении многих лет, больше нет. Некоторые структурные условия Европы теперь будут все больше напоминать константы арабских монархий.

Евгений Прейгерман

Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»